

Исцеление
Клар

Данил Харченко

Данил Харченко
Исповедь Клэр

«Автор»

2026

Харченко Д.

Исповедь Клэр / Д. Харченко — «Автор», 2026

Я — Клэр Ланкастер. И через несколько дней меня должны убить. Пока никто об этом не знает. Ни мои подруги, ни преподаватели, ни парень, которого я люблю. Для них я все та же идеальная студентка «Хиллкреста», которая организует рождественский бал, спорит с соседками по комнате и строит планы на будущее. Только будущего у меня, кажется, больше нет. Поэтому я начала вести этот дневник. Если однажды меня не станет, он останется вместо меня. Если же мне удастся выжить... надеюсь, вы никогда его не прочитаете.

© Харченко Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало.	5
13 декабря 1983 г. Утро.	11
13 декабря 1983 г. Ночь	15
14 декабря 1983 г. Утро.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Данил Харченко

Исповедь Клэр

Начало.

Есть такое место — университет «Хиллкрест». Туда съезжаются дети обеспеченных людей со всего мира. Закрытый, привилегированный мир для подростков, которых родители с готовностью отправляют подальше от дома, чтобы спокойно продолжать свои дела, сделки и ужины без лишних забот. «Хиллкрест» удобен именно этим: он обещает безопасность, престиж и контроль.

Родители редко задают лишние вопросы. Максимум, чего они опасаются, — что их дети попробуют что-то запрещённое, перепьют на вечеринке или подерутся после полуночи. Никому из них не приходит в голову мысль, что в стенах дорогого университета их ребёнок может погибнуть. Слишком абсурдно, *неправда ли?*

Так же когда-то не мог подумать об этом и Геральд Ланкастер — отец Клэр Ланкастер. Девочки, имя которой знали все. При жизни — с восхищением. После — с тревогой и шёпотом.

О, Клэр. О ней говорили только хорошее. Вспоминали, какая она была яркая, талантливая, уверенная. Сколько в ней было всего и сразу. В «Хиллкресте» она стала чем-то вроде эталона — живым доказательством того, как должна выглядеть идеальная студентка. Блестящие светлые волосы, тонкое телосложение, зелёные глаза, от которых невозможно было отвести взгляд. Она казалась...безупречной что ли.

Даже после её исчезновения постеры с фотографиями притягивали взгляды. Люди останавливались, чтобы посмотреть ещё раз — на её улыбку, на ямочки на щеках, на лицо, которое невозможно было забыть.

Клэр Ланкастер любили все.

И именно это делало её исчезновение по-настоящему пугающим.

Когда-то кто-то обмолвился, что Клэр вела дневник. Кажется, это звучало в разговоре детективов — вскользь, между делом, без подробностей. Но слух подхватили быстро. И этого оказалось достаточно. Людям всегда хочется заглянуть туда, куда им не разрешали при жизни.

Некоторые, вроде Джеммы МакГинесс, ненавидели Клэр искренне и с удовольствием. Джемме хотелось доказать, что идеальная Клэр Ланкастер была фальшивкой. Что за улыбками и безупречным образом скрывалась обычная девчонка с грязными мыслями и некрасивыми поступками. Джемме казалось, что Клэр всегда играла на публику — и дневник, если он существовал, должен был это подтвердить.

Другие искали совсем не скандал. Им хотелось понять — чувствовала ли Клэр, что с ней что-то случится. Боялась ли. Сомневалась ли. А кому-то просто хотелось быть к ней ближе. Прочитать дневник означало получить иллюзию дружбы — такую, которую Клэр не успела или не захотела дать при жизни. Как будто она доверила свои секреты именно тебе. Самому верному. Самому важному.

У Клэр было больше поклонников, чем врагов. Когда она пропала, кампус будто сорвался с цепи. Все искали её. Каждый пытался найти хоть что-то — записку, след, случайное воспоминание, которое помогло бы сложить картину той ночи. Ночи, когда Клэр вышла из общежития и больше туда не вернулась.

Её лучшие подруги — Одри, Ронни и Джинни — тоже участвовали в поисках. Ронни не знала того, что знали другие две. Джинни старалась не смотреть подругам в глаза, словно

боялась, что взгляд выдаст больше, чем слова. А Одри наблюдала. Внимательно. Слишком внимательно. Она смотрела на Джиневру, пытаясь понять, скрывает ли та что-то. Или кого-то.

Когда поиски не дали результата, все разошлись по своим комнатам. Чтобы шептаться. Чтобы строить версии. Чтобы бояться. Никто не верил, что Клэр могла сбежать сама. Все знали — ей это было ни к чему.

У неё здесь была жизнь.

И слишком много причин остаться.

И вот, спустя чуть больше года, под одной из половиц в комнате общежития, её лучшие подруги — которых теперь оказалось четверо — нашли тот самый дневник.

Тот, о существовании которого ходили слухи. Тот, о котором шептались и который так и не появился в материалах дела.

Дневник Клэр Ланкастер.

В нём она рассказала всё.

О страхе, о слезке, о лжи, о той неделе, которая стала для неё последней.

О тех ужасах, которые она пережила за несколько дней до того, как вышла из общежития.

И правда, записанная её рукой, оказалась куда страшнее, чем кто-либо мог представить.

Я Клэр Ланкастер, и я знала, что умру двадцатого декабря 1983 года.

Не то чтобы я этого хотела — просто знала.

Эта мысль пришла ко мне тихо, и сначала я не придавала ей значения. Мне часто приходили странные предчувствия, и я научилась не пугаться их. Но чем ближе становилась зима, тем яснее я понимала — всё действительно закончится. И никакая сила уже не изменит этого.

Раньше я часто повторяла фразу: *мы не знаем, сколько нам отмерено*.

Она казалась умной, и почти красивой. Теперь в ней не осталось ничего утешительного.

Страшным было не само знание, а его точность. Когда смотришь на календарь и понимаешь, что каждый день — последний. Каждый вечер — ещё один шаг к концу.

Я начала догадываться об этом в октябре. И всё началось с письма.

Я нашла его утром у себя под дверью в общежитии. Обычный белый конверт без подписи. Почерк был аккуратный. В письме не было прямой угрозы — только странная фраза о том, что охота уже началась, и что список скоро закончится.

И ещё одно слово, подчеркнутое два раза: *следующая*.

Сначала я решила, что это глупая шутка. В «Хиллкресте» любили странные розыгрыши. Но письмо почему-то не выходило у меня из головы.

Именно оно стало толчком.

Я начала вспоминать вещи, о которых раньше не думала всерьёз. Когда-то, ещё на первом курсе, я слышала разговоры о старых убийствах рядом с кампусом. Не в самом университете — в лесу, дальше за склоном, там где начинается густая чаща и где в скале есть старая пещера. Тогда это звучало как легенда для первокурсников. Кто-то говорил, что там когда-то находили тела. Кто-то — что это всего лишь выдумка студентов.

Но письмо заставило меня вернуться к этому.

Я начала искать информацию.

Сначала — осторожно. Вырезки из газет, заметки, старые университетские отчёты. Я спрашивала миссис Рэдвел, библиотечаршу, о старых архивах. Она удивилась моему интересу, но всё же разрешила посмотреть несколько коробок с документами.

Тогда всё выглядело разрозненно. Отдельные истории. Несвязанные факты.

Пока я не заметила одну деталь.

Все исчезновения девушек происходили в полнолуние.

И у всех был почти одинаковый статус в «Хиллкресте». Активные, заметные, уважаемые. Те, кого здесь называли *идеальными*.

Именно тогда я сложила два и два.

Но на этом я не остановилась. Мне нужно было понять, почему.

Однажды миссис Рэддвелл позволила мне пройти в закрытую секцию библиотеки. Там хранились старые университетские материалы, к которым редко кто прикасался. Полки были высокие, лампы тусклые, а воздух пах старой бумагой и пылью.

И там я впервые наткнулась на упоминание старой легенды.

Она называлась «*Белая правда*».

Это была странная история, почти ритуальная. В старых заметках говорилось о тайном обществе, о девушках, которых выбирали не случайно, и о лесе у пещеры, где когда-то происходили вещи, о которых университет предпочитал не говорить.

Я читала эти записи несколько часов.

И чем больше я узнавала, тем яснее становилась картина.

Когда я наконец поняла, что подхожу под описание всех предыдущих девушек, стало очевидно — следующей буду я.

Но я не подала виду.

Я продолжала жить как обычно.

Ходила на занятия. Смеялась на собраниях студенческого совета. Писала статьи в университетский журнал. Помогала готовить зимний бал.

Никто не замечал ничего странного.

И именно так я решила оставить всё до самого конца.

Я любила Хиллкрест слишком сильно, чтобы позволить страху испортить последние месяцы.

Этот университет был моим домом — и моим отражением. Он впитал в себя всё, чем я когда-то была: амбиции, уверенность, тайны, чужие взгляды, шелест шелка на лестницах, и шорох страниц в библиотеке.

По утрам туман сползал с горы Уайтфейс, заволакивая кампус как мягкое покрывало. Из окон женского общежития казалось, что всё вокруг — огромная акварель: башни растворяются в дымке, по камням стекают капли росы, а с дорожек доносится запах мокрых листьев и кофе, который разливали в маленьком киоске у центральной аллеи. Там всегда стояла очередь — студенты с книгами, синие перчатки, шапки с эмблемой «Хиллкреста».

Осень здесь была особенной. Листья на липовой аллее становились цвета меди, и каждый шаг отдавался мягким шелестом. Воздух пах мхом, бумагой и чем-то сладким, вроде пряников, которые пекли на кухне общежития. Вечерами над кампусом звенели колокола капеллы Святой Агнессы.

А зимой «Хиллквест» будто замирал. Ночью под фонарями снег светился голубым, и шаги по тропинкам звучали так глухо, что казалось, ты идёшь внутри сна. В лесу, что начинался сразу за спорткомплексом, можно было кататься на лыжах — там тропы вели между старых сосен и забытых беседок, где в декабре оставались только следы зайцев и отпечатки ботинок. Я часто ходила туда одна. Слышала, как хрустит снег под палками, как скрипит морозное дерево, и думала, Готические корпуса с башнями и арками, капелла с витражами, где сквозь стекло падал цветной свет, — всё это казалось нереальным.

В «Хиллквесте» было слишком красиво, чтобы верить в зло. И, может быть, именно поэтому всё ужасное, что здесь происходило, воспринималось как выдумка, как страшная легенда, которой пугают здешних студентов.

Я часто сидела на подоконнике общежития, закутавшись в серый плед, и смотрела, как свет фонарей тонет в снежной дымке. Из кухни тянуло горячим шоколадом, где-то наверху играло радио, в коридоре смеялись девочки. И я думала, что, наверное, смерть здесь не выглядит страшной.

«Хиллкрест» был прекрасен — до боли, до дрожи в пальцах.

И, может быть, именно поэтому всё здесь казалось временным. Слишком красивым, чтобы быть вечным.

Я помнила тот день, когда получила вторую записку.

Это было ровно за неделю до полнолуния. Я тогда рано вернулась в общежитие — отпросилась с философии, сославшись на головокружение. В «Брайер-Холле» было тихо. Я сняла пальто, поставила чайник и заметила конверт, лежавший на моём столе. Точно такой же, что и тот, в котором пришла первая записка: белый, плотный, без подписи.

Когда я открыла конверт, мои опасения подтвердились.

Это было то ли предупреждение, то ли угроза — трудно сказать. Но я сразу поняла одно: за мной наблюдают.

С того дня я чувствовала это буквально кожей. Каждый шорох в коридоре, каждый смех за спиной, каждый взгляд, который задерживался на долю секунды дольше обычного, — всё отзывалось в теле дрожью. Иногда казалось, что меня фотографируют, что кто-то идёт следом. Я ловила своё отражение в зеркальных витринах и боялась.

Но я не позволила страху взять надо мной верх.

Я продолжала улыбаться, носить форму без единой складки, сидеть на первых рядах, отвечать на занятиях. Всё как всегда — *идеальная девочка из «Хиллкреста»*, гордость кампуса, пример для младших.

Играть эту роль было несложно. Я и так жила двойной жизнью.

В университете я была одной — собранной, мягкой, доброжелательной, почти безупречной, а за его воротами — другой. Настоящей. Раскованной, живой, безумной.

В стране, где никто не знал, кто я, я могла быть собой — смеяться слишком громко, пить вино на крышах, танцевать под *The Police* до рассвета. В этих ночах было больше жизни, чем во всех утренних лекциях вместе взятых.

Я не хотела, чтобы в «Хиллкресте» узнали меня настоящую. Там мне нравилось быть идеалом. Это давало силу. И защиту, как я тогда думала. Но теперь... мне кажется это смешным. Ведь именно идеальный образ довёл меня до того, что меня пытаются убить.

Моя подруга Лора Санчес — единственная, кто понимала ту мою сторону.

Такая же безумная, как и я.

Мы даже немного походили: светлые волосы, тонкие запястья, одинаковые улыбки, будто вырезанные из журнала. Но Лора была ярче. Её голубые глаза — холодные, как лёд на озере Плэсид, — могли обжечь сильнее любого огня.

Она была моей отдушиной, моим напоминанием, что под всем этим гляncем и приличием я всё ещё жива.

Я часто думала, что Лора — мой антипод и спасение. С ней я могла позволить себе быть дерзкой, несдержанной, даже опасной. И, может быть, именно это привлекало меня в ней — смелость, которой мне самой не хватало.

В университете же у меня были другие подруги — Вероника, Одри, Джиневра. Такие разные, но по-своему близкие. С ними я играла роль идеальной Клэр Ланкастер, а с Лорой — просто была Клэр.

И, может быть, поэтому я старалась защитить их всех от того, что происходило со мной.

Я не могла позволить, чтобы кто-то пострадал из-за меня.

Если бы хоть одна из них пострадала... я бы этого не пережила.

Записки не переставали приходить.

Через неделю после второй я нашла ещё одну — аккуратно сложенную, с короткой фразой, будто вырезанной из разговора, который я не должна была слышать.

Текст намекал на то, что за мной продолжают наблюдать.

Но самое странное было в другом — почерк. Он был другим. Совсем другим.

Я заметила это ночью, лежа в кровати под одеялом, с фонариком в руке. В комнате все спали: Одри тихо посапывала, Вероника что-то бормотала во сне, а Джиневра ворочалась, пытаясь укутаться плотнее. Я достала три записки из ящика стола и разложила их на коленях. Свет фонаря дрожал, и от этого буквы будто шевелились.

Одна рука — чёткая, ровная, с длинными штрихами, будто писала женщина. Другая — неровная, угловатая, будто писал кто-то, кому было трудно удержать ручку.

Я не сомневалась — это были два разных человека.

Я провела пальцем по бумаге и ощутила, как под кожей прошёл холод.

Если раньше я думала, что за мной следит кто-то один — безумец, одержимый или просто завистник, — то теперь стало ясно: их больше. Намного больше.

И все они знали, где я живу, во сколько возвращаюсь, какие платья ношу, с кем разговариваю.

От этой мысли дыхание сбилось. Казалось, стены «Брайер-Холла» сжались ближе.

Я спрятала записки обратно в ящик, но долго не могла заснуть.

Всё внутри кричало, что я в опасности.

Но я ещё не знала, что всё гораздо хуже, чем я могла представить.

13 декабря 1983 г. Утро.

Я проснулась очень рано, ещё до того, как девочки начали шевелиться в своих кроватях. Комната утопала в бледном утреннем свете, а за окном медленно таял туман. Я подняла голову и посмотрела на маленький календарь, прикреплённый к стене у кровати. 13 декабря. Я взяла карандаш и вычеркнула эту дату. Секунда — и тонкая линия перечеркнула ещё один день моей жизни. Когда я пробежала глазами по остальным — 3, 5, 8, 10 — сердце сжалось, а зубы сами собой сомкнулись от внутреннего напряжения. Осталась ровно неделя. Ровно семь дней, прежде чем всё закончится.

Странно, но в последние дни стало легче. Галлюцинации исчезли, и голоса больше не мерещились. Я слышала их раньше — в коридорах, в аудиториях, даже в библиотеке, между страницами старых книг, — но теперь они замолкли. Совет профессора Миллера, кажется, действительно помог. Он настоял, чтобы я перестала есть еду из столовой, и я послушалась. Я начала носить с собой своё — яблоки, хлеб, иногда орехи — и уже через несколько дней будто вышла из тумана, в котором блуждала последние недели.

Вообще, мне повезло, что я нашла людей, которые понимали, через что я прохожу. Точнее — они нашли меня. Профессор Миллер был первым. Это случилось две недели назад, после лекции по метафизике. Когда студенты разошлись, он закрыл дверь и сел напротив меня. В тот момент я испугалась — не того, что он скажет, а того, что может сделать. В голове промелькнули картины: как он встаёт, достаёт нож, как на обложке какого-нибудь романа, что читала Джиневра постоянно, или просто оборачивает меня тенью и заставляет молчать навсегда. Но он не сделал ничего из этого. Он просто посмотрел на меня спокойно и сказал: «Клэр, ты должна знать правду».

И я узнала. Правда оказалась хуже любой лжи, в которую я когда-либо верила. Всё, что я любила — университет, кампус, привычные голоса и лица — оказалось насквозь гнилым. «Хиллкрест», этот храм красоты и разума, с его колоннами, библиотеками и гордой историей, стоял на костях тех, кто когда-то верил в него так же, как я. Миллер рассказал мне о культе. «Белая правда» — вот как они себя называли.

Раньше я слышала об этом — от старшекурсников, от сторожа у западного крыла, от девочек из младших курсов, которые пугали друг друга историями о маньяке в лесу. Мы смеялись, обсуждали, кто бы выжил, и я, конечно, шутила, что у меня больше всех шансов. Но это не были байки. Культ действительно существовал. Только не в чьих-то сказках — а здесь, в стенах университета, среди нас.

Их вера была искажена до безумия. Они считали, что, убивая самых талантливых, красивых и одарённых студентов, они жертвуют свет во имя величия «Хиллкреста». Что университет живёт за счёт этих жертв, выпитывает их кровь, их энергию, их блеск. Чем больше невинных погибнет — тем выше слава и богатство кампуса. Миллер сказал, что это длится десятилетиями, что каждая эпоха имела свои ритуалы, свои оправдания, свои имена для одного и того же зла.

Я слушала его, и у меня холодело внутри. Хотелось смеяться, отрицать, кричать, но я знала — он не лгал. Он показал мне документы, старые газетные вырезки, отчёты, которые почему-то никогда не попадали в архив. Там были имена — девушки, исчезнувшие без следа, фотографии, статьи с одинаковыми фразами: «несчастный случай», «неосторожность», «утопила в озере». Только теперь я понимала, что никто из них не утонул, или сорвался со склона или что там ещё могло произойти. Их убили.

Из-за всех этих мыслей и новой информации мне начал сниться один и тот же сон — три ночи подряд, как по расписанию. Он был таким же отчётливым, как сама жизнь. Я стояла у

пруда, того самого, где мы с девочками проводили вечера в начале июня, когда солнце садилось медленно, а воздух пах сиренью и настоявшейся водой. Тогда я выпарапала на дереве наши инициалы, уверенная, что это место — наше тайное убежище, кусочек вечности. Мне всегда казалось, что там есть что-то магическое, почти священное, будто само озеро слушает и хранит наши тайны.

Во сне всё выглядело точно так же — только тише. Воздух стоял неподвижный, как в ожидании грозы. Вода была тёмной, но не чёрной — скорее, как ртуть, где отражения двигались чуть быстрее, чем сами вещи. Я стояла на берегу, смотрела вниз и видела своё лицо. Оно улыбалось. Сначала мягко, потом губы начали дрожать, и вдруг изо рта потекла густая кровь, тянувшаяся как чернила. Я пыталась закричать, но звук не выходил. Отражение продолжало улыбаться — теперь уже не моё, чужое, как будто кто-то подменил меня. И в тот момент, когда кровь дошла до моих ног, я всегда просыпалась. Вся в поту, с бешено колотящимся сердцем, не понимая — спала ли я вообще.

Поначалу я думала, что это последствия. Что галлюциногены, которыми меня кормили, всё ещё не выветрились из крови. Возможно, остаточные токсины влияли на восприятие, и мозг просто не отличал сон от яви. Но чем больше я пыталась объяснить всё логикой, тем меньше её находила. Иногда мне кажется, что логика — это просто вежливый способ назвать страх.

Теперь я уже не была уверена, где проходит граница между сном и реальностью, между мной и моим отражением. Может быть, я уже давно умерла, а всё остальное — продолжение сна. Может, «Хиллкрест» — это тоже отражение, которое улыбается, пока мы не начинаем тонуть.

Сегодня, кстати, сна не было. И я не знаю, радоваться этому или бояться ещё сильнее.

Мы с девочками решили сходить в лес. Точнее, это была моя идея. Мне нужно было проверить нашу «штаб-квартиру» - заброшенную мастерскую за холмом. Когда-то там проводились занятия труда для мальчиков, а теперь я знала, что именно там Миллер и остальные хранили все файлы о «Белой правде». В университете запрещено говорить об этом вслух — как выяснилось, культисты поставили прослушку почти в каждом помещении. Они слушают всё: лекции, разговоры, даже дыхание в коридорах. Иногда мне кажется, что даже стены дышат вместе с ними.

Поэтому я стала осторожнее. Я снова надела свою маску — безупречную, тихую, благоумную Клэр Ланкастер. Девочку, которая ничего не знает, ничего не подозревает и просто пугается странных записок.

Пусть думают, что я их жертва. Пусть думают, что они управляют мной.

Мы пришли в лес, туда, где холм спускается к замёрзшему ручью. Я помню, как этот склон ещё осенью был усыпан красными листьями, а теперь — сплошной снег, хрустящий и чистый. Джинни притащила старые санки из подсобки, а Одри смеясь поклялась, что они сломаются на первом же повороте. Рони, как всегда, несла в рюкзаке термос с какао и плед, хотя никто не просил.

Я не помню, когда в последний раз смеялась так сильно. Мы катались с холма, визжали, падали, кидались снегом, и мне казалось, что весь этот холодный воздух в груди — живой. Щёки горели, пальцы замерзали, но я не чувствовала холода. Я смотрела на них — на их лица, на волосы, выбившиеся из-под шапок, на улыбки, которые ничего не скрывали, — и понимала, что это мои последние настоящие дни. Всё, что я могла сделать — впитать их в себя, запомнить, сохранить.

Они были такими настоящими, такими чистыми.

Джинни кричала от восторга, когда мы съезжали вниз, и сразу поднималась обратно, не давая отдышаться. Одри каталась осторожно, но каждый раз смеялась так заразительно, что мы не могли остановиться. А Рони постоянно падала, проклиная свой шарф, и всё равно не сдавалась. Я стояла немного выше, на самом верху холма, смотрела вниз — на них, на солнце, на снег — и чувствовала, что всё не зря.

Мне было хорошо.

Я думала, что если это и есть мои последние дни, то пусть они будут такими — простыми, шумными, с запахом какао и звоном смеха, разлетающимся по ветвям. Я стояла там, дышала полной грудью и радовалась, что у меня есть они. Мои девочки. Моя жизнь, такая, какой я всегда хотела её помнить.

Мы продержались на улице не больше часа. Снег усилился, пальцы не слушались, щеки горели от ветра. Джинни первой сдалась — у неё посинели губы, и она, смеясь, закуталась в шарф. Одри пыталась притворяться, что всё нормально, но я видела, как она дрожит. Тогда я сказала, что поблизости есть место, где можно немного согреться.

Рони сразу оживилась — достала свой плед и термос с какао, которые тащила весь день, и сказала, что теперь-то они точно пригодятся. Мы пошли по тропинке между деревьями, с санками в руках, смеясь и сбивая снег с веток. Дорога к мастерской всегда казалась длинной, но в тот день она пролетела быстро. Наверное, потому что всем было весело. Даже мне.

Мастерская стояла чуть в стороне от основного пути, между двух елей. Старое здание из серого кирпича, с узким окном под самой крышей и деревянной дверью, покосившейся от времени. Никому не было до него дела, и это устраивало меня.

Внутри пахло сыростью и пылью, но там было тихо. На полу лежали доски, несколько мольбертов стояли у стены, а посередине — камин, в котором давно никто ничего не разжигал. Я села у печки, притянула к себе рюкзак и сказала, что попробую её растопить. Девочки расселись вокруг: Рони разливала какао, Джинни укуталась в плед, а Одри что-то писала на запотевшем окне.

Я наклонилась к полу, открыла решётку и полезла рукой за печку — туда, где знала, что есть небольшая ниша между кирпичами. Миллер говорил, что это место безопасно, и там можно хранить копии документов. Бумаги были в плотном конверте, завернутом в ткань. Я достала его осторожно, стараясь не привлекать внимания. Девочки обсуждали, кто падал с санок чаще всех. Их голоса звучали так естественно, что на секунду я почти забыла, зачем пришла.

Я спрятала конверт в рюкзак и вернулась к камину. Сделала вид, что раздуваю угли, хотя внутри всё дрожало. Девочки всё ещё смеялись, Рони передавала мне термос, и всё казалось нормальным.

Я тогда подумала, что, может быть, это и есть настоящее счастье — когда никто не знает, что ты делаешь, но ты всё равно рядом с теми, кого любишь.

Настолько же тяжело было бы всё это отпустить. Пока девочки обсуждали планы на Рождество, я молчала и думала о другом. Представляла, как это будет — когда они узнают, что меня больше нет. Что я мертва. Будут ли они плакать? Придут ли на мои похороны? Что скажет Рони, а как отреагирует Одри? Будет ли Джинни держать себя в руках, как обычно, или расплачется? Я не знала. И не хотела думать, что всё это когда-то станет реальностью. Но мысли лезли сами.

Больше всего я думала о папе. О том, как он останется один. После мамы прошло всего два года, и я до сих пор помнила, как он сидел у окна, не двигаясь, часами. Сначала жена, теперь дочь... иногда я пыталась убедить себя, что всё можно изменить, что Миллер и его команда что-то придумают, найдут способ спасти меня, остановить этот культ, но с каждым днём надежды становилось меньше. Осталась неделя, а он перестал со мной говорить. Каждый

раз, когда я заходила в его кабинет, он выглядел растерянным, торопливо закрывал папки и начинал говорить с Оливией. Я даже не знаю её фамилии.

Тогда я решила всё проверить сама. Открыть его архив, посмотреть, что он прячет, найти хоть что-то, что может помочь. Я верила, что там будут доказательства, что я смогу понять, кто стоит за «Белой правдой». Но всё, что я увидела, — фотографии. Директора, несколько членов администрации, какие-то студенты, чьи имена мне ничего не сказали. Из знакомых лиц — только нынешний директор, девчонка с курса старше и пара преподавателей. Неужели они все замешаны в этом?

Я думала пойти в полицию, но сразу поняла — мне никто не поверит. Для них я просто студентка, которой показалось. Скажут, что это чья-то шутка, глупые игры завистников. Я даже подумала на Джемму МакГинес — она вечно ищет способ унизить меня. С её стороны я бы не удивилась таким выходкам. Я её, честно, ненавидела.

А потом поймала себя на мысли, что могу заподозрить даже Джинни. Не потому что не доверяю, а потому что она... всегда была рядом, всегда хотела быть лучше. Иногда я видела, как она смотрит на меня на собраниях совета, и понимала, что она могла бы занять моё место. И, если быть честной, я не была бы против. Когда всё закончится, пусть лучше она станет новой Клэр Ланкастер, чем кто-то, кто не справится. Но теперь меня тревожила другая мысль — а вдруг, когда меня не станет, всё переключится на неё? Я не подумала об этом раньше, и от этого стало страшно.

Поздним вечером, когда девочки уснули, я осталась одна. В комнате было тихо, слышно только, как за окном потрескивает ветер. Я посмотрела на часы — было уже за полночь. Осторожно поднялась с кровати, пол скрипнул, и я тихо выдохнула, чтобы не разбудить никого. На ощупь нашла пальто, сумку и вышла из комнаты.

Мне нужно было встретиться со своим медвежонком. Мы договорились у пруда — нашего места. Когда-то оно принадлежало нам всем: мне, Рони, Джинни и Одри. Теперь — только ему и мне. Так было проще.

Я шла по тропе, вдыхая холодный воздух, и вспоминала, как всё началось. Не сказка, не судьба, а просто совпадение. Я ходила на репетиции *Black Hearts*, чтобы послушать Веронику. Она тогда буквально жила сценой: визжала в микрофон, сбивала каблуками ритм, спорила с парнями о каждом аккорде. Я сидела в первых рядах, хлопала громче всех, носила им лимонад в стеклянных бутылках. Все думали, что я пришла поддержать подругу. А я смотрела не на Рони.

Он стоял у края сцены, возился с усилителем, подкручивал звук, опускал голову, когда ловил мой взгляд. Ничего особенного — просто парень с гитарой. Но я не могла отвести глаз. В тот вечер он улыбнулся, и я поняла, что пропала.

Я старалась не показывать. Особенно перед Вероникой. Она и сама была влюблена в него — это чувствовалось по тому, как она менялась, когда он был рядом. Её голос становился мягче, движения — осторожнее. Я видела, и мне было стыдно. Честно. Каждый раз, когда он задерживал на мне взгляд, я чувствовала, как кровь приливает к лицу, и отворачивалась. Я не могла выдать себя. Если бы Рони узнала... нет, я не выдержала бы её взгляда.

Иногда я думала о Швейцарии.

Там я была другой — дерзкой, свободной, опьяневшей от жизни и всего, что в ней предлагалось. Мы с Лорой пили всё подряд: бренди, ром, иногда даже те дурацкие шоты, что горят синим пламенем. Мы таскались по клубам, танцевали, цепляли парней, просто чтобы не скучать. Тогда мне казалось, что я проживаю сто жизней за ночь. Там я не боялась быть плохой. Но вернувшись в «Хиллкрест», я снова стала «идеальной Клэр Ланкастер».

С ним всё было иначе. Не вино, не адреналин, не игра. Просто тепло, уверенность, покой. С ним я забывала о культе, о записях, о страхе. О том, что через неделю всё закончится.

13 декабря 1983 г. Ночь

Я закрылась в ванной, чтобы написать ещё пару строк. Проснулась из-за голосов за окном. Я не сразу поняла, кто это был. Когда выглянула, компания людей уже уходила, быстро свернув за угол общежития. Слишком слаженно. Словно они знали, что я смотрю.

Я не стала больше стоять у окна. Вернулась к раковине и закрыла дверь на щеколду. Решила, что утром расскажу обо всём Миллеру.

Я запомнила немного: красные плащи, капюшоны, закрытые лица. Маски — возможно. Свет был плохой, и я не уверена в деталях. Но их было несколько. Этого достаточно.

Я не понимаю, зачем им всё это. Почему именно я. Я не сделала ничего такого, что могло бы привести к подобному. Или сделала — и просто не придала этому значения.

Иногда мне приходит мысль о тех вечерах, о глупых ритуалах, которые мы с Лорой воспринимали как игру. Тогда это казалось смешным. Сейчас — нет.

Я больше не хочу касаться подобных вещей.

Даже мыслью.

14 декабря 1983 г. Утро.

Я только проснулась, а в комнате ещё держится холод ночи. Окно немного запотело, и за стеклом всё выглядит мягким и размытым. Кампус тонет в тумане. Башня старого корпуса едва видна, словно её нарисовали карандашом и потом слегка стерли ластиком.

Я лежу и смотрю в потолок, и первая мысль приходит почти автоматически.

Ещё один день.

Ещё один день моей жизни можно вычеркнуть.

До двадцатого декабря осталось совсем немного.

Странно просыпаться с таким знанием. Сначала на секунду кажется, что всё как обычно. Скрипят трубы отопления, где-то в коридоре хлопает дверь, кто-то смеётся слишком громко. Университет живёт своей обычной жизнью. И только потом вспоминаешь — для тебя всё это скоро закончится.

Я пытаюсь представить, как это будет.

Иногда я думаю о самом моменте. Как он наступит. Где это случится. В лесу у пещеры? В каком-нибудь пустом коридоре? Буду ли я понимать, что это происходит прямо сейчас?

И самый простой вопрос всё равно остаётся главным.

Насколько это будет больно?

Наверное, любой человек на моём месте трясся бы от ужаса. Искал бы способ сбежать. Перевестись в другой университет. Уехать из города. Спрятаться.

Я тоже боюсь. Иногда этот страх накрывает резко, как холодная вода. Но большую часть времени он тихий. Он просто сидит рядом со мной и напоминает, что время идёт.

Я всё ещё думаю о Миллере и остальных. Они выглядят уверенными, когда говорят о своих планах. Они собирают документы, ищут старые записи, пытаются доказать, что культ действительно существует. Иногда, когда я слушаю их, мне кажется, что всё может закончиться нормально.

Но потом приходит другая мысль.

А что если нет?

Что если «Белая правда» сильнее, чем мы думаем.

Что если всё закончится так же, как заканчивалось раньше.

Я лежу под одеялом и слушаю, как ветер слегка трогает ветви за окном. И если думать об этом честно, я понимаю одну вещь. Я бы хотела, чтобы всё произошло быстро. Чтобы это не было чем-то долгим и мучительным. Просто один момент. Один тёмный провал. Закрывать глаза — и всё.

И тогда я окажусь там.

В раю.

Я всегда верила, что рай существует. Не знаю, почему. Просто эта мысль казалась мне правильной. С детства я верила, что мир не заканчивается на этом месте. Что есть ещё что-то дальше. Рай, ад, души, которые продолжают жить где-то за границей нашего мира.

Я верила и в маленькую магию. В те смешные ритуалы, которые девочки делают на дружбу, на любовь, на привязку парней. Мы смеялись над этим, когда собирались в комнате поздно вечером, но всё равно выполняли их до конца. Завязывали ленточки, шептали слова, жгли маленькие свечи.

Какая-то часть меня всегда думала, что в мире действительно есть силы, которые мы просто не понимаем.

Наверное, поэтому мысль о рае для меня не кажется сказкой.

Иногда я представляю его очень просто. Свет. Тишина. И мама.

Я думаю о ней чаще, чем признаюсь себе. Иногда мне кажется, что если я окажусь в раю, она будет стоять там и ждать меня так же спокойно, как ждала раньше у школьных ворот.

Это единственная мысль, которая действительно успокаивает меня.

Я очень скучаю по маме.

Иногда настолько сильно, что даже смерть кажется не такой страшной, если она приведёт меня к ней.

День проходит на удивление спокойно. По крайней мере я почти не думаю о том, что происходит вокруг меня на самом деле. Дел слишком много, чтобы позволить себе сидеть и бояться.

Как обычно, я занята подготовкой к рождественскому балу. Забавно тратить столько сил на вечер, на котором меня, скорее всего, уже не будет. Но если уж я начала это дело, оно должно быть доведено до конца.

С утра я прошлась по всем спискам, внесла несколько поправок и собрала своих помощников. Объяснила ещё раз, как должны стоять столы, где будут гирлянды, где оркестр, где сцена для выступлений. Я говорила медленно и чётко, потому что знаю своих людей. Если не повторить всё три раза, половину они забудут через час.

Надеюсь, хоть что-то они всё-таки запомнили.

После этого я зашла к Миллеру. Мне нужно было поговорить с ним. Но кабинет оказался пуст. Там была только Оливия. Она сидела за его столом и перебирала какие-то бумаги. Когда я спросила, где профессор, она сказала, что он уехал.

По её словам, Миллер отправился к своему знакомому детективу, чтобы рассказать ему о культе. Она сказала это спокойно, словно речь шла о чём-то совершенно обычном. И добавила, что вернётся он нескоро.

Это меня совсем не успокоило.

Я спросила, что мне делать теперь. Оливия улыбнулась своей ровной, почти дежурной улыбкой и сказала, что бояться нечего. Что пока она здесь и пока остальные люди Миллера следят за ситуацией, со мной ничего не случится.

Я рассказала ей о том, что видела прошлой ночью.

Под окнами нашей комнаты собрались люди в красных плащах. Они стояли почти неподвижно, как будто ждали чего-то. Я наблюдала за ними через занавеску и не могла понять, зачем они там.

Когда я закончила, Оливия просто кивнула. Она смотрела куда-то мимо меня, в сторону окна, и медленно покачивала головой.

Честно говоря, я не уверена, что она вообще услышала хоть слово.

От этого стало только тревожнее. Мне нужно поговорить с Миллером. *Срочно!*

После этого я решила хотя бы немного отвлечься и пошла обедать с девочками. Сегодня мы договорились встретиться не в столовой, а в актовом зале. Мне совсем не хотелось сидеть среди всех студентов и ловить на себе чужие взгляды. Иногда кажется, что люди смотрят на меня слишком внимательно.

Хотя, если подумать, за мной и правда наблюдают. Просто я не знаю кто.

Я шла по коридорам медленно, почти специально растягивая путь. Впитывала в себя всё вокруг. Старые деревянные панели на стенах. Высокие окна. Тёмные лестницы, по которым я поднималась сотни раз.

У витрины с наградами я остановилась. Там стояли мои кубки за разные университетские конкурсы и постановки в театральном кружке, а также грамоты. Рядом на доске почёта висели мои фотографии.

Я поймала себя на мысли, что рассматриваю их так, будто вижу впервые.

Да, след после себя я оставила заметный.

Меня ещё долго будут помнить в этих стенах.

И тут в голову пришла странная мысль. Если я окажусь в раю... буду ли я помнить всё это? Эти коридоры, этот университет, все свои победы?

Наверное, нет.

Я даже тихо усмехнулась. *Клэр, ты дуручка.*

Из размышлений меня вывело то, что я почти врезалась в дверь актового зала. Я остановилась в последний момент и потянула ручку на себя.

И замерла.

Пока я бегала по делам, здесь успели всё украсить. Я совершенно забыла, что просила ребят из литературного клуба заняться оформлением. С этими расследованиями и разговорами о культе я почти выпала из обычной студенческой жизни и потеряла счёт времени.

Но они справились.

Зал выглядел красиво. Очень красиво. Высокие окна были занавешены длинными бордовыми портьерами. Свет мягко ложился на деревянный пол сцены. Под потолком уже висели первые гирлянды и тонкие ленты, которые тихо колыхались от сквозняка.

Девочки уже расположились на сцене. Они раскидали свои портфели и огромные кардиганы, использовали их как подушки и лежали, глядя вверх. Пальцами они что-то показывали друг другу на потолке, споря о том, куда лучше повесить украшения.

Я стояла в дверях и смотрела на них несколько секунд.

И вдруг поймала себя на мысли, что именно таким и должен быть обычный день в университете.

Я примкнулась к девочкам, достала из портфеля свой обед и уселась на полу актового зала, ощущая удивительное спокойствие. Солнечный свет мягко падал через высокие окна, разрезая длинные бордовые портьеры, и в воздухе висел лёгкий запах воска с недавно расставленных свечей. Девочки обсуждали, куда собираются на каникулы. Вероника, как всегда, выделялась: она решила поехать на какой-то рок-фестиваль в Калифорнии, и я невольно улыбнулась. Этот бунтарский настрой в ней — один из тех моментов, за которые я её люблю, за живость, за смелость, за то, что она не подчиняется общим правилам.

Наш разговор прервался так резко, что я едва не вскрикнула.

За моей спиной вдруг скрипнула дверь, и в зал вошёл уборщик Тео. Я так вздрогнула, что едва не уронила портфель. Девочки сразу повернули головы в мою сторону, и я поспешила сделать вид, будто ничего не произошло.

Надеюсь, они ничего не заметили.

Я в последнее время пугаюсь почти всего. Любого звука. Любого неожиданного движения. Наверное, со стороны это выглядит странно. Но, думаю, девочки спишут всё на подготовку к балу. Со мной такое уже бывало. Перед большими университетскими мероприятиями я всегда становлюсь нервной и раздражительной.

Только в этот раз причина совсем не в бале.

Тео спокойно кивнул мне, как делал всегда. Его появление почему-то сразу меня успокоило. Я даже поймала себя на мысли, что Оливия, наверное, была права. Они действительно следят за моей безопасностью.

Иначе зачем бы Тео вдруг пришёл убирать актовый зал.

Я точно помню, что он не заходил сюда с тех пор, как я поступила в «Хиллкрест». Однажды мы даже говорили об этом. Тогда он рассказал, что раньше актовый зал убирала его помощница Мари. После её гибели он просто перестал заходить на её территорию. Сказал, что не может.

Поэтому его появление здесь выглядело... необычно.

Но я решила не думать об этом слишком долго.

Мы с девочками ещё немного посидели на сцене, обсуждая украшения, музыку и порядок выступлений на балу. Я слушала их вполуха и перебирала вещи в своём портфеле, пытаюсь найти блокнот со списками.

И тут я наткнулась на записку.

Она лежала между тетрадями, словно я сама её туда положила. Маленький сложенный лист бумаги. Я развернула его и сразу почувствовала, как по спине прошёл холод.

На листке был нарисован символ.

Ни слова. Ни подписи.

Просто знак.

Я не поняла, что это. Сначала подумала, что это какая-то руна. Потом решила, что это может быть просто странная каракуля. Несколько пересекающихся линий, круг и что-то похожее на крючок.

Но почему-то от этого рисунка становилось не по себе.

Страх он наваял больше, чем любое письмо.

Я аккуратно сложила листок обратно и сунула его в карман портфеля. Девочки в этот момент обсуждали портьеры и не обращали на меня внимания. Я поднялась с места и сказала, что мне срочно нужно бежать по делам.

Они даже не удивились.

Я всегда куда-то бегу.

Но на этот раз я действительно побежала.

Через несколько минут я уже шла быстрым шагом по коридору к кабинету Миллера. Мне нужно было хоть что-то. Любую подсказку. Может быть, он уже видел этот символ. Может быть, в его записях есть что-то похожее.

Когда я подошла к кабинету, там было тихо.

Оливии уже не было. И что ещё страннее — дверь оказалась открыта.

Я осторожно оглянулась по сторонам, потом тихо вошла внутрь и закрыла за собой дверь. Даже защёлкнула замок. Не знаю зачем, но так стало спокойнее.

Кабинет пах бумагой и табаком.

Я сразу подошла к столу и начала перебирать всё, что на нём лежало. Папки, конверты, заметки. Мне хотелось найти хоть что-то, связанное с символами или рунами. Может быть, словарь. Может быть, какие-то переводы.

Я открыла один ящик. Потом второй. Потом третий.

В одном лежали аккуратно сложенные пачки сигарет. В другом — старые университетские документы. В третьем — стопка проверенных работ.

Я взяла одну из них и невольно усмехнулась. Это оказались контрольные по истории искусств. Ирония судьбы, потому что тест у нас должен быть через два дня.

Я быстро пролистала листы и нашла правильные ответы. Чисто автоматически переписала их в свой блокнот.

И только потом остановилась.

Клэр, ты вообще зачем сюда пришла?

Я посмотрела на стол, на открытые ящики и на свою записку с символом, которая лежала рядом.

Ответы на тест я всё-таки оставила. Раз уж переписала.

Но символа среди бумаг Миллера я так и не нашла.

Когда прозвенел последний звонок, и коридоры начали медленно заполняться тем особым вечерним шумом — щелчками шкафчиков, смехом, запахом дорогих духов и мокрой шерсти пальто после снегопада, — я столкнулась с Джинни у лестницы восточного крыла. Она предложила мне пойти с ней в танцевальное крыло — посмотреть на мальчиков из балетного класса через маленькую комнату с проектором под самой крышей. Оттуда открывался идеальный обзор: потные спины, вытянутые шеи, мышцы под белыми трико и вся эта почти непристойная красота мужского балета, о которой приличные девочки предпочитают не говорить вслух.

В другой день я бы, возможно, согласилась. Мы бы сидели там, закинув ноги на старый радиатор, курили бы отвратительно крепкие французские сигареты и обсуждали, с кем из преподавателей спит новый дирижёр студенческого оркестра. Но не сегодня.

У меня были дела важнее. Да и времени оставалось катастрофически мало.

Шесть дней.

Нет. Уже пять.

Я почти физически чувствовала, как утекает время. Странно, насколько быстро человек начинает замечать смертность во всём, когда узнаёт дату собственной смерти.

Я вытащила пальто из шкафчика и почти бегом направилась туда, куда в здравом уме никто бы не сунулся после заката — к старой часовне Колуэллов. Полузаброшенное каменное уродство на окраине кампуса, вечно пахнущее сыростью, пылью и древесным грибком. Идеальное место, чтобы исчезнуть от чужих глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.